

Господь оградил

от страшных воспоминаний

- О войне ничего не помню... Память отшибло, - говорит Елена Григорьевна ЖУЙКО, ветеран ОАО "УралАТИ". - Знаю только несколько эпизодов о нашем пребывании в фашистских лагерях. И то из рассказов матери.

Семью Елены Григорьевны война застала в деревне Угланка Смоленской области. Когда деревня попала в немецкую оккупацию, Лене было пять лет.

- Отец на фронт так и не попал. Некоторое время находился в пленах, - рассказывает бывшая узница. - Как-то ночью ему удалось бежать. Пришел домой истощенный, еле ноги волочил. Он был настолько больной и обессиленный, что через пару дней умер.

В Угланке немцы хозяйничали почти два года. Весной 1943 года женщин, мужчин, стариков и детей колонной погнали на запад, в Германию. Народ в чем был одет, в том и уходил. Мама Лены, Вера Стефановна, успела взять с собой немногого сухарей, усадила дочь на санки, дала ей в руки зеркало.

- Не знаю, почему мама взяла с собой зеркало. Видимо, дорого оно ей было, - рассуждает Елена Григорьевна. - Санки в пути мы потеряли, да и зеркало тоже пропало.

Уходя, немцы сожгли деревню. Вместе с маленькой Леночкой и ее мамой в фашистский лагерь отправились бабушка и крестная девочки.

На одной из стоянок народ загнали на пустырь, огороженный решеткой с колючей проволокой. Вокруг шли бомбежки, в лагере стояли крик и шум: женщины и дети ревели от страха и голода. Увидев лазейку в "колючем" заборе, Вера Стефановна и еще несколько женщин бежали, чтобы добыть что-нибудь съестного для детей. Когда они вернулись в лагерь, немцы дыру закрыли. Женщинам пришлось идти через проходную. Их избили настолько зверски, что они едва приползли к детям.

- Частенько женщин отправляли на кухню чистить картошку для немцев, - рассказывает Елена Григорьевна, - но брали на эту работу только бездетных, как моя крестная Вера Ивановна, чтобы соблазна не было детишкам своим умыкнуть еду.

Своих родственников Веру Ивановну удавалось подкармливать. Тайком сквозь маленькую щелочку она передавала им картофельные очистки.

В одном из лагерей маленькая Лена и ее мама переболели тифом. Больных подкармливали - давали кусочек хлеба. Даже во время болезни Вера Стефановна не переставала думать о своей дочери. Хлебные кусочки прятала под подушку, чтобы передать их Леночке.

Пленных немцы гнали через Ригу. В столице Латвии, по воспоминаниям ветерана, местные жители подкидывали узникам одежду и тайком передавали что-нибудь из еды.

Уже будучи в Германии, Елена Григорьевна и ее родственники содержались в лагере недалеко от Бремена.

- Перед глазами - высокое темное здание, узкие помещения и железные двухъярусные кровати - это единственное воспоминание о лагере, которое у меня запечатлевлось в памяти, и то смутное, - говорит женщина.

В Бремене крестную с мамой Лены отправляли "по заказу" властей молоть зерно. Им приходилось загружать мешки в помольные агрегаты. В результате ежедневного поднятия тяжести крестная Елены Григорьевны заработала грыжу. Бабушка Евдокия Семеновна работала в немецкой семье - готовила корм для свиней, а внучка крутилась около бабушки. За этим процессом бдительно наблюдала сама хозяйка, опасаясь, что часть корма русские заберут себе.

- Когда закончилась война, толком не поняли. Крестная рассказывала, что однажды все немцы куда-то исчезли. Часть пленных, и она в том числе, отправились в немецкое бомбоубежище, - говорит Е. Г. Жуйко.

Елена Григорьевна ЖУЙКО
в молодые годы

ко. - Когда зашли в убежище военные, люди испугались. Боясь, что их сейчас расстреляют, они упали на колени, стали просить о пощаде. Оказалось, что это американцы. Война закончилась, нас освободили!

По словам бывшей узницы, некоторые из немецких захватчиков все же были чуткими к чужому горю. Еще в начале войны, находясь в оккупированной деревне, маленькая Лена потеряла зрение. Последним, к кому за помощью обратилась мать, был немецкий врач. Он смог вернуть ребенку зрение. В благодарность за это Вера Стефановна отдала самое дорогое, что осталось у семьи, - курицу.

- Страшное время было. Мама рассказывала, что когда шли бомбежки, я неистово крестилась. Вокруг полыхал огонь, раздавались крики, взрывы, а я стояла, молилась и плакала, говоря, что у меня рука болит креститься, - рассказывает Е. Г. Жуйко. - Мне было так страшно, что даже мамины просьбы пересесть креститься я не слышала, а наоборот, еще пуще продолжала это делать. То, что я сама ничего не помню о том ужасном времени - дело Господа. Это он меня оградил от страшных воспоминаний!

Д.БОРИСОВА.
Фото из архива.